

Ведущий страниц
«Личное мнение»
Виктор АВОТИНЬШ

ПОСТСКРИПТУМ

Текст был хорош, а дел ни на грош

Четвертого мая 1990 года Верховный Совет ЛССР принял Декларацию независимости. Событие значимое, переломное. Однако нельзя сказать, что оно всех переломило лишь в хорошую сторону.

Также неверно то, что внутренние политические проблемы того времени исчерпывались противостоянием Народного фронта и Интерфронта. Кроме того, на публичном плацу проблема выбора каждого человека представляется излишне упрощенной и легкой. Те, кому выбор давался легко, теперь скачут из партии в партию, приглашают нового «старшего брата» разместить тут свои базы, опять научились молчать о подлости своих прямых начальников, постукаются независимостью за деньги. Тем, кому выбор давался сложно, теперь не из чего выбирать. Большинство тех, кто посчитал выбор грехом и предательством, были объявлены врагами, а единицы, чей явный выбор до смены режимов был не в пользу советского строя, — героями.

Мне жаль, что об этом сравнительно недавно прошлом у нас есть воспоминания, сборники документов, но, по-моему, нет честного, всестороннего исследования. Исследования, которое показало бы всю многогранность события, то, чего стоили людям перемены и выбор. Исследования, чьи авторы были бы, насколько это возможно, свободны от личных симпатий и предпочтений. У меня была идея сделать нечто подобное самому.

4 мая Латвия отмечает День независимости

Идея не сохла. Составил план работ и кое-что делаю. Но я посчитал, что мне для этого надо в течение пяти-шести лет рыть историю по десять часов в день. Четыре года — на людей и архивы, года полтора — на писанину. Боюсь, что у меня уже не будет для этого минимально необходимой материальной свободы. Хотя — хотелось бы осмыслить ситуацию не через бумажки, а через людей. Понять детально, хотя бы в сумме основных настроений и мотивов.

Здесь же я хочу самым элементарным и простым способом

напомнить, что хоть попутный ветер и надувал паруса НФЛ, не один НФЛ влиял тут на политическую погоду. И что сама декларация даже на политическом уровне воспринималась не только как акт объявления независимости.

Парламентский переворот

Попробую парой-тройкой цитат расширить устоявшееся за 20 лет представления о ситуации и характеристиках декларации.

В связи с 4 мая уместно напомнить, что в апреле 1990 года была создана фракция «Равноправие» ВС ЛССР. «В этой депутатской фракции состояли также члены Интернационального фронта трудящихся Латвийской ССР и Центра демократических инициатив (ЦДИ), большинство из которых одновременно были и членами Компартии Латвии. Фракция при регистрации насчитывала 60 депутатов. Под этим названием — «Равноправие» — фракция оставалась и в составе Верховного Совета Латвийской Республики после

совершения частью народных депутатов Латвийской ССР 4 мая 1990 года парламентского государственного переворота. Депутаты фракции «Равноправие» всячески преследовались после этого той частью большинства Верховного Совета, которая совершила переворот и приняла декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики». Кончилось это тем, что 9 июля 1992 года за якобы «антиконституционные действия» национал-радикальное большинство Верховного Совета без суда и следствия аннулировало мандаты 14 членов фракции «Равноправие». (А.Рубикс, «Голосовали цветами...»).

«Принципиально голосовать против независимости мы не могли и не хотели голосовать хотя бы потому, что народ имеет право на самоопределение. Правда, в этом случае необходим референдум. С другой стороны, выразив с трибуны свою точку зрения, мы не могли воздержаться при голосовании, т. к. это практически показывало бы некоторую неопределенность, колебание. Поэтому оставался один выход: не нажимать кнопки, т. е. не участвовать в голосовании, не мешать законному или незаконному ходу процесса. Во всяком случае потом никто не скажет, что ты голосовал «против» декларации. Впрочем, дело не в этом. Нельзя было прини-

БЛАГИЕ ПОРЫВЫ

Декларация легла под политику

Вице-президент Академии наук Латвии, профессор ЛУ, политолог Талавс ЮНДЗИС в начале 1990 года входил в рабочую группу Народного фронта Латвии, а также в редакционную комиссию Верховного Совета ЛССР по подготовке текста Декларации независимости, принятой ВС 4 мая 1990 года.

— В документах НФЛ, например, в программе, принятой Вторым съездом НФЛ, обозначен курс на независимость. Однако последовательная индустриализация цели, ответ на вопрос «как нам следует поступать?» фактически отсутствовал. Цель определена на уровне желаемого. Подобно тому, как и сегодня определяют цели в официальных стратегических бумагах Латвии. Фактически Декларация 4 мая — один из первых, если не первый, более-менее практических документов НФЛ, касающихся курса страны. Или я не прав?

— Да, действительно, представление о том, как достичь поставленную цель, было очень и очень общим. Полной ясности не было. Начиная от юридических, кончая экономическими, управленческими вопросами. Да, можно сравнить это с настоящим временем, когда хороших целей у нас много, а механизмов их достижения нет. Но разница в том, что тогда у нас не хватало опыта и знаний. Зато я смело утверждаю, что помыслы наши были обращены к стране и обществу. Сегодня знаний у нас достаточно. Нас учат все кому не лень, мы набрались ума, окончив американские и всякие другие школы, обрели профессионализм. Но обращенные к стране помыслы отсутствуют. Вот в чем разница.

— Результат выборов 18 марта 1990 года отдал страну в руки НФЛ. Несмотря на наличие людей, которые отрицали право ВС распоряжаться страной, несмотря на присутствие в Латвии частей Советской армии и пр., многие считают эти выборы самыми чистыми и честными

ми за всю новейшую историю Латвии. Почему?

— Да, я согласен с ответом, который содержится в самом вопросе. Это действительно были одни из порядочнейших выборов. В сравнении с последующими. Почему? Во-первых, из-за мажоритарной системы. Ее предусматривала Конституция СССР, юридически эта система имела место быть, но ее практика в то время была деградирована и девальвирована до крайности. Мы обеспечили такое ее действие, какое подобает демократической стране. И эта система, несмотря на то, что у нас не было опыта, несмотря на все отрицательные моменты, которые тогда были, сработала. Если сказать честно, то я считаю, что именно здесь надо искать ключ от сегодняшних наших бед. Мы недооцениваем значение этой избирательной системы. В мой избирательный округ тогда входили Лиелварде, Кегумс, Бирзгале. И мои избиратели до сих пор приглашают меня на встречи. В этом году ездил. Я спрашиваю: «А чего же

это вы своего депутата из Сейма не приглашаете?». Они смеются: «А вы знаете, кто в этом Сейме наш депутат?»

— Вы сказали, что то время было чреватое «кувырками компромиссов». Нужно было кувыркаться?

— В реальной политике без кувырков, без компромиссов не обойдешься. Если бы мне одному дали управлять процессом обретения независимости, то, я считаю, что мы ее никогда бы не получили. Потому, что я не готов к таким большим компромиссам, как НФЛ в целом. Однако — НФЛ своего добился.

Что было самым большим кувырком? НФЛ избрал тактику, при которой получалось, что мы входим в самую верхнюю структуру советского строя, ЛССР. Представляете, мы боремся с советской властью, которая нас оккупировала и пятьдесят лет держит в узде, а мы сами теперь в нее рвемся. Радикалы из Движения граждан говорили: «Это предательство!» И у них была своя правда. Но — путь НФЛ привел к результату. И теперь,

оценивая положение, я никого пути не вижу. Да и этот путь был рискованным. Мы же получили лишь на несколько голосов больше двух третей (всего 138. — В.А.).

— Михаил Горбачев 14 мая 1990 года издал указ, которым объявил, что декларация не имеет силы. Были ли у процесса выхода Латвии из СССР признаки нормальных, двусторонних отношений?

— Это был односторонний шаг. Хотя в конце апреля 1990 года Илмар Бишерс, Анатолий Горбунов и еще несколько человек направились с проектом декларации к Горбачеву. Это была положительная попытка сказать, что мы хотим отделиться цивилизованно. Горбачев послал их куда подальше и сказал: «Даже не думайте!» Если это считать переговорами или попыткой переговоров, то вот вам один пример. Но все другие попытки также заканчивались подобным образом. Переговорами, в понимании международного права, Горбачев не пользовался. Мы просили о них.